

ОБРАЗ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ДЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ САМАРЫ 1920-Х ГГ.

В статье рассматривается проблема места ребенка в становлении советского общества в 1920-е гг. В процессе формирования «нового человека» детство становится значимой частью общественной жизни.

Ключевые слова: история детства, история повседневности, СССР.

научной среде часто идут дискуссии по поводу преемственности между советским и постсоветским периодами, и все мы так или иначе являемся детьми этого гигантского социального эксперимента [4, с.3].

Механизм был запущен с приходом власти большевиков. Акцент был сделан на воспитание именно подрастающего поколения. Модель «нового человека» предполагала, что «дети должны мыслить себя частью государства» [7, с.165].

Ответим на вопрос: как проходила адаптация ребенка к условиям динамично изменяющегося общества в советской России 1920-х годов? Детскую повседневность будем рассматривать как жизнедеятельность детей, наполненную обыденными социальными практиками [5, с.119].

История Куйбышевской пионерской организации подробно прослеживается в журнале «Искры костра». Весть о ее зарождении достигла Самары в середине лета 1922 г. [10, оп.7, д.89, л.10]. Вскоре были организованы уездные курсы пионерских вожатых. В одной из стенгазет этих курсов ребята писали: «Живем в Самаре ничего, проводим время весело но дело лишь тут в том не всегда мы хорошо живем...» [9, оп.1, д.917, л.84].

Очевидец событий А.В. Храмов в своих воспоминаниях отмечает, что «государство переживало тяжелые последствия разрухи» [10, оп.7, д.32, л.125]. Советская власть среди приоритетов назвала заботу о детях [12, с.47]. Храмов пишет: «Мы никогда не унывали ни в чем, нас всегда выручал неистребимый ребячий оптимизм... мы по своему верили в наше будущее, не улыбайтесь, это мной сказано серьезно» [10, оп.7, д.32, л.128].

Пропаганда советской идеологии осуществлялась в основном с помощью литературы. К 1930-м гг. центральным органом детской печати в СССР стал журнал «Пионер». Здесь к читателю обращались не как к ребенку. Пионер начинал привыкать к мысли об обязанностях, которые необходимо выполнять [7, с.183].

В 1921 г. засуха обрушилась на большинство губерний Поволжья [13, с.33]. Голоду в Поволжье посвящена масса трудов. Интересен отрывок из публикации Фонда помощи голодающим в Нью-Йорке от 1922 г., где отмечается, что Самара – самый крупный город голодающего Поволжья, откуда в поездах перевозили голодающих детей [6, с.59-60].

В Самаре дети бродили в поисках куска хлеба и приюта, ночевали где придется. На улицах города можно было видеть трупы взрослых и детей [10, оп.7, д.105, л.2-5].

Для спасения «будущего революции» везде шла организация детских домов. В отчетах самарских губернских комиссий содержатся данные от 1922 г. о состоянии детских домов на улице Казанской, Советской, Саратовской, на площади Революции и др. В них зафиксировано, что «положение в детских домах ПРИВО более чем удовлетворительно при совершенно тяжелых условиях» [8, оп.1, д.926, л.1].

Таким образом постепенно создаются благоприятные условия для ребенка, который являлся бы творцом светлого будущего. Посредством всех названных мер происходило приобщение детей к меняющемуся общественному пространству [3, с.218-251]. Складывался всемогущий и непоколебимый образ власти в глазах общества.

* © Зыбанова Г.А., 2018

Зыбанова Галина Алексеевна, бакалавр исторического факультета, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева, gzybanova@gmail.com

Так как речь шла о создании нового человека, советская власть ставила для себя цель очищения психологии человека от «религиозных пережитков» [1, с.23]. Мое внимание привлекли анонимные анкеты учащихся начальных школ по вопросу религиозных верований от 1929 г. Анкетирование проводилось в семилетней школе № 5 имени Некрасова [11, оп.5, д.723, л.3]. В опросе приняли участие 124 девочки от 12 до 18 лет. Из них верующих было 40,4 %, неверующих – 46,7 %, колеблющихся – 12,9 % [11, оп.5, д.723, л.1].

Сложнее всего для исследователя – найти критерий веры в формирующейся детской душе [1, с.149]. Однако из приведенных данных следует, что число антирелигиозно настроенных школьников выше, чем число верующих.

По сути говоря, к 1930-м гг. советская власть создала «новую религию». Путем повиновения сильной власти эта система давала советскому человеку чувство защищенности [4, с.151]. Дети Самары находили эту защиту в создаваемых пионерских организациях, детских домах, людях, спасающих от голода.

Советский образ жизни – результат глубоких преобразований [2, с.22]. Ребенок ищет для себя пример обычно где-то вне семьи, пример для ребенка – не его отец; так и советское государство отказывается от всего, что наследует от предшествующей эпохи [14, с.223]. Ребенок больше открыт всему новому, чем взрослый, но в то же время ребенок – консерватор, который следует тому, на что указывает его родитель [14, с.223].

В этом ключе детство, непоколебимое в своих основах, – одна из констант советского общества, придававшая ему устойчивость. Укоренившись как часть системы в 20-е гг. XX в., она стала основополагающей идеей для общества и государства на протяжении всего советского периода.

Библиографический список

1. Балашов Е.М. Школа в российском обществе 1917-1927 гг. Становление «нового человека». СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.
2. Захарович И.С., Минаева В.В. Право на счастливое детство. М.: Педагогика, 1984.
3. Келли К. «Маленькие граждане большой страны»: интернационализм, дети и советская пропаганда // Новое литературное обозрение. 2003. № 60. С.218-251.
4. Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920-1930 годы. СПб.: Журн. «Нева»: Летний Сад, 1999.
5. Ляшок А.С. Семiotика детской повседневности // Теория и практика общественного развития. 2010. № 3. С.118-124.
6. Макфадден Д., Горфинкел К. Советская Россия 20-х гг. глазами друзей. Самара: Изд-во Ас Гард, 2010.
7. Наумова М. «Если завтра война...». Подготовка к войне как часть воспитания советских школьников 1930-х годов (по материалам журнала «Пионер») // Логос: философско-литературный журнал. 2017. Т.27. № 5. С.163-186.
8. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 1. Самарский губернский комитет ВКП(б) г. Самара.
9. СОГАСПИ. Ф. 53. Самарский комитет ВЛКСМ г. Самара.
10. СОГАСПИ. Ф. 651. Партийный архив Самарского областного комитета Коммунистической партии Российской РСФСР г. Самара.
11. СОГАСПИ. Ф. 655. Средневолжский Облком ВКП(б) г. Самара.
12. Смирнова Т.М. Дети страны Советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917 – 1940 гг. М.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015.
13. Урядова А. Голод 1920-х гг. в России и Русское зарубежье. СПб.: Алетейя, 2010.
14. Чернявская Ю. Советское как детское: опыт двора // Логос: философско-литературный журнал. 2017. Т.27. № 5. С.219-240.

Galina Zybanova

REPRESENTATION OF SOVIET GOVERNMENT IN SAMARA CHILDREN'S EVERYDAY LIFE IN 1920S

The article deals with the problem of the place of a child in formation of Soviet society in 1920s. The author argues that childhood became an important part of social life in process of creation of a "new man".

Keywords: history of childhood, history of everyday life, USSR.

УДК 94(47).084.5

В.Б. Романова*

БУДНИ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ «ПЕРВОЙ ВОЛНЫ» В ПАРИЖЕ

В статье рассказывается о жизни русских эмигрантов «первой волны» в Париже, о «русских» кварталах Парижа, о том, с какими трудностями была сопряжена жизнь эмигрантов на новом месте.

Ключевые слова: эмиграция «первой волны», «русские» кварталы Парижа, рабочие Биянкура, парижское такси.

Октябрьская революция 1917 г. в России породила волну беженцев из страны. Значительный поток их хлынул в Париж. Необходимо понять, как представители различных социальных слоев прежней, дореволюционной России обустроились на новом месте, и описать их бытовую культуру.

Из-за веры в то, что власть большевиков продержится недолго, беженцы брали с собой только самые необходимые вещи: «Мы, русские, не верили тогда, что изгнание затянется надолго, самое большое это несколько месяцев, а там большевиков свергнут, и мы вернемся домой», – отмечала великая княгиня Мария Павловна [2, с.352]. А многие и ничего не успевали взять с собой: «Вопрос об эвакуации – а для многих, в сущности, вопрос жизни и смерти – решался в последние дни, иногда в последние минуты» [1, с.30-31].

Благодаря фильмам и литературе укоренился определенный стереотип русского эмигранта: «это бывший богатый аристократ, вынужденный добывать пропитание, работая водителем такси, официантом или швейцаром ночного клуба» [5, с.40]. Это имеет мало общего с реальностью. Разумеется, князей и графов там было достаточно, но это лишь верхушка эмиграции. Довольно большой процент составляла интеллигенция и городская буржуазия. Крестьяне и казаки были представлены в эмиграции. Не стоит кидаться в крайности: эмиграция была представлена почти всеми слоями тогдашней России: «Жизнь русской эмиграции, во всяком случае, во Франции, в этот период стала напоминать жизнь сжавшейся до крошечных размеров России. Это была как бы уменьшенная копия бывшей Российской империи со всеми своими противоречиями, болезнями, со своим величием и со своей нищетой» [1, с.42]. В Русском Зарубежье был, несомненно, выше, чем в России, уровень образованности: 2/3 взрослых эмигрантов имели среднее образование, почти все – начальное, а каждый седьмой – университетский диплом [5, с.41].

* © Романова В.Б., 2018

Романова Вероника Борисовна, бакалавр исторического факультета, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, roveronicka@yandex.ru